

Онтология интеллектуальной собственности: из «галактики Гутенберга» в «галактику интернета»

Статья рекомендована Б.В. Кристалным 18.10.2016.

АЛЕКСЕЕВА Дарья Александровна
*Кандидат философских наук,
старший преподаватель
кафедры онтологии и теории
познания философского
факультета МГУ им. М.В.
Ломоносова*

Аннотация

В статье рассматриваются содержащиеся в классическом философском наследии подходы к обоснованию права интеллектуальной собственности, приобретающие особую актуальность в связи с развитием современных информационных технологий. Обсуждаются вопросы онтологии собственности Дж. Локка, статус книги в метафизике И. Канта, учение И.Г. Фихте о форме как нематериальном объекте собственности.

Ключевые слова:

онтология, интеллектуальная собственность, история авторского права, произведение науки, литературы и искусства, природа прав авторов, идея и форма произведения.

Сегодня словосочетание «онтология интеллектуальной собственности» часто употребляется для обозначения всеобъемлющей и детальной формализации области объектов права интеллектуальной собственности с помощью концептуальной схемы — иерархической структуры данных, содержащей все релевантные классы объектов, их связи и правила. В рамках данной статьи термин «онтология» используется в традиционном философском смысле: речь идет об онтологии как учении о бытии, общих формах и типах сущего, связях и отношениях между ними. В классическом философском наследии содержатся относящиеся к интеллектуальной собственности идеи и подходы, не утратившие актуальности с изменением средств представления и передачи информации. Эти идеи и подходы приобретают особый интерес в контексте современных проблем метаправовой легитимации права интеллектуальной собственности, обоснования его общественной значимости и необходимости с позиций областей знания, отличных от юриспруденции.

Произведение как результат работы духа и онтологический статус творца

Право изобретателя использовать в течение ограниченного периода времени выгоды своего монопольного положения было впервые утверждено Патентным законом, принятым сенатом Венецианской республики в 1474 г., а первым полноценным законом об авторском праве считается Статут королевы Анны (1709 г., Англия), установивший четырнадцатилетний срок действия копирайта для всех публикаций любого автора. Представление о том, что результат интеллектуальной деятельности может быть объектом собственности, получает развернутое теоретическое обоснование в эпоху Просвещения.

Как известно, право интеллектуальной собственности объединяет в себе три разнородные ветви — авторское право, патентное право и право торговых наименований, каждое из которых имеет свои истоки и собственную траекторию развития. Однако именно в авторском праве в XVIII в. было легитимировано своеобразное сочетание словаря, описывающего передачу и приращение знаний, с экономико-юридическим словарем (частью которого являются термины «собственность», «сделка», «покупка», «продажа», «права»), что сделало возможным развитие права интеллектуальной собственности как сложной социальной технологии, связывающей сферы культуры, экономики и политики [1]. Это объединение, несомненно, имевшее прагматические мотивы, было обосновано нетривиальными ходами мысли в сфере онтологии, прежде всего онтологии творчества.

Воспринимать словосочетание «интеллектуальная собственность» не как оксюморон или метафору позволила парадигма, в рамках которой знание (хотя бы частично) рассматривалось как результат деятельности индивидуального сознания. Чтобы подобный подход стал возможным, индивид должен был быть представлен как творец или добытчик идей и знаний, а не только как их транслятор. Напомним, что в христианской культуре Средних веков творчество рассматривалось как акт создания чего-то нового из Ничто — создания, которое под силу только Богу. Человек в таком случае оказывался инструментом божественного творчества, преемником духовного дара, а не творцом в полном смысле этого слова. Такое понимание творчества подразумевало отсутствие онтологической связи между автором и произведением (точнее, и творческое начало в человеке, и результат творчества были фундированы в Боге и не связаны между собой каузально). Обмен знаниями осмыслялся в терминах дарения и получения дара [2].

В эпоху Возрождения взгляд на творчество изменился, оно стало рассматриваться как свидетельство силы человеческого духа, проявление его превосходства над природой. Книгопечатание перевело литературу с латыни на национальные языки и позволило выразить частный внутренний опыт. Идея творчества была увязана в первую очередь с созданием произведения искусства как результатом творчества по преимуществу. Произведение искусства рассматривалось как оригинальное творение гения, выражающее его талант. Этот взгляд закрепился на века. Симптоматично, что впоследствии первым авторско-правовым законом Франции стала «Декларация о правах гения» (подписана Национальным Конвентом в 1793 г., тогда же, когда и новая Декларация прав человека и гражданина и новая конституция).

Сегодня авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства, которые, во-первых, являются результатом творческой деятельности (носят творческий характер) и, во-вторых, выражены в объективной форме.

Уместно вспомнить, что известный советский правовед В. И. Серебровский характеризовал произведение как «совокупность идей, мыслей и образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения» [3, с. 32]. Согласно Гражданскому

кодексу РФ, «автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано» [4].

Представление о том, что произведение есть *«результат интеллектуальной деятельности человека»* (курсив мой. — Д. А.) — еще один элемент наследия эпохи Возрождения [5, с. 10]. Примечательно, что в 2014 г. Бюро охраны авторских прав США разрешило спор между фотографом Дэвидом Слетером и компанией «Викимедиа», постановив, что произведения, созданные силами природы, животными или растениями, не могут быть защищены авторским правом. В 2011 г., когда фотограф устанавливал оборудование для фотографирования обезьян в Индонезии, одна из них украла его камеру и, нажимая кнопку затвора, создала сотни красивых селфи. Одна из фотографий была загружена на фотохостинг Викисклад, и фотограф попросил удалить ее, заявив на нее свои права. Представители «Викимедиа» отказались удалить фото, указав на то, что права на селфи не принадлежат фотографу. Фотограф пытался это оспорить, утверждая, что он потерял тысячи долларов «недополученной прибыли» в качестве отчислений [6].

Взгляд на произведение как на результат творчества человека не подразумевает оценку качества произведения (его художественной ценности), но при этом предполагает особый онтологический статус его творца. Однако для того чтобы утверждать, что произведение является собственностью автора, этого недостаточно.

Нематериальный объект как собственность

Один из наиболее влиятельных мыслителей, развивавших представление о том, что автор обладает определенными правами на результат своей творческой деятельности, — Джон Локк. Трудовая теория собственности, восходящая к Локку, основывается на идее естественного права индивидов на результаты своего труда. Согласно Локку, права собственности распространяются на движимое и недвижимое имущество, а также на собственное тело человека и его личность (person). Далее, через «примешивание труда» оно распространяется и на результаты человеческой деятельности. В «Двух трактатах о правлении» (1690) Локк утверждает, что каждый человек получает право собственности на природные объекты в том случае, если их получение потребовало его труда, т.е. в них была «вложена» его частица. Права собственности на вещи, которые создаются или добываются через труд, являются дополнительными, естественными правами, и государство не может изменить или отвергнуть эти права, оно существует в том числе и для защиты этих прав [7].

Этот подход конкретизировал впоследствии английский поэт и критик Эдвард Юнг. В «Мыслях Юнга об оригинальном сочинении» (1759) признается решающая роль гения в поэзии. Э. Юнг утверждал, что автор не просто способствовал появлению произведения своим трудом, но произведение сохраняет «отпечаток» личности автора. Таким образом, труд автора ценнее труда изобретателя. Следовательно, изобретения инженерной мысли могут охраняться патентом в течение ограниченного срока, а произведения, носящие печать личности автора, принадлежат последнему бессрочно [8, с. 11]. Этот подход сохраняет свою силу

и сегодня: авторское право на произведение возникает автоматически в момент его создания и действует в течение всей жизни автора плюс некоторый срок после его смерти, патент же требует оформления, и его действие ограничено во времени.

И Дж. Локк, и Э. Юнг внесли значимый вклад в развитие секуляризированной теории познания, интериоризировав «боговдохновенность» и сведя ее к деятельности индивидуального познавательного аппарата. Взгляды обоих приобрели популярность в континентальной Европе. Произведение Э. Юнга было моментально переведено на немецкий, а на Локка ссылались французские юристы, отстаивая бессрочные права авторов на произведения. Так, в 1726 г. Луи д'Эрикур, ссылаясь на Локка, защищая в суде бессрочные привилегии для авторов книг. Он утверждал, что произведенное умом (сознанием) человека является плодом его труда, и потому он имеет право свободно им распоряжаться в течение неограниченного времени (владеть собственными мыслями можно так же, как и землей, обработанной собственным трудом).

Эту позицию разделял и Дидро. В «Письме о книжной торговле» (1763) он уравнивал литературную собственность с любой другой собственностью и полагал, что право на получение материальных выгод от распространения тех или иных текстов должно принадлежать тем, кто их создал, то есть авторам, а для защиты этих прав следует сохранить (хотя и с некоторыми усовершенствованиями) систему привилегий для издателей, заключающих с авторами контракт. Идею уникальности личности как источника права собственности на произведение отстаивал Готхольд Лессинг, предложивший, исходя из этой идеи, реформировать германскую систему книготорговли (эссе «Живи и дай жить другим», 1772 г.) [9].

В XVII–XVIII вв. право собственности рассматривалось как одно из проявлений личности, производное от свободы человека, его права распоряжаться в первую очередь самим собой, и не сводилось к простому господству над вещами. Поэтому было логически допустимым рассматривать нематериальные объекты как собственность. По мнению С. С. Алексеева, этот смысл отчасти сохраняется и сегодня: «...собственность — это отношение к вещам «как к своим» ... собственность предстает в качестве своеобразного продолжения человека в вещах, и, стало быть, по своей исходной сути как персонифицированная, частная собственность, — явление высокозначимого, абсолютного порядка, отличающееся святостью статуса, неприкосновенностью» [10, с. 235].

При анализе локкианской теории (обоснования права собственности через труд) возникает закономерный вопрос: почему не все, к чему прилагается труд человека, становится его собственностью? Ответ на него в какой-то мере просматривается в описании связи автора и произведения с помощью слов «вклад», «отпечаток», «продолжение», «частица», однако смысл их весьма расплывчат и не указывает явным образом на наличие достаточных оснований, чтобы утверждать, что автор обладает определенными правами на результат своей деятельности. Требовалось определить критерии, по которым можно отличить достойное охраны произведение от того, что здравый смысл отказывался признавать произведением. Понятие о том, что именно охраняется, требовалось еще и потому, что с изобретением печатного станка исчезла возможность отождествлять произведение и существующую в единственном экземпляре рукопись.

Метафизика речи и формы

Изобретение печатного станка породило книгу как объект с парадоксальным статусом: она является одновременно и вещью нематериальной (текстом, сообщением), и материальным предметом (с определенным форматом, весом, количеством страниц).

Иммануил Кант, которому приписывают создание в «Метафизике нравов» философской основы для защиты личных прав авторов в континентальном праве, утверждает следующее [11, с. 205, 206]. С одной стороны, книга представляет собой телесный артефакт (опус механикум), который может быть воспроизведен; следовательно, на нее распространяется вещное право. С другой стороны, книга является дискурсом (речью, сообщением) автора, обращенным к общественности, который издатель не может повторить публично, не имея на это полномочий от автора; следовательно, авторское право — это личное право. Неразличение этих аспектов приводит к тому, что искажение исходного авторского сообщения может быть ошибочно признано допустимым, поскольку законным владельцем книги как материального объекта является купивший ее, и он волен поступать с ней как угодно. Право на произведение, согласно Канту, принадлежит автору, но не в качестве права собственности на вещь, а как право на акт высказывания, на речь, обращенную к публике. Издатель в таком случае выступает уполномоченным глашатаем, по воле автора доносящим его сообщение до всех интересующихся. Право интеллектуальной собственности действительно неотчуждаемо (как «собственность» на действие), коммуникационный посредник (издатель, распространитель) получает лишь разрешение на трансляцию произведения.

Двумя столетиями позже (в 1962 г.) Маршалл Маклюэн [12] описал последствия для культуры, к которым привело изобретение печатного станка: если в рукописной культуре преобладало аудиотактильное восприятие мира (авторы рукописных произведений использовали принципы устного повествования, не выдерживая единую позицию на протяжении всего текста, меняя ее по ходу изложения), то эпоха книгопечатания превратила устное слово в визуальное, зримое. Можно сказать, что Кант, представляя текст книги как обращенную к читателю речь, остается в рамках представлений рукописной культуры. Такой взгляд не позволял ответить на вопрос о том, что именно в предмете, являющем собой «застывшую речь», является авторским.

Позднее ответ предложил Фихте («Доказательство незаконности перепечатки книг» [13]), попытавшийся определить, что именно в произведении является нематериальным объектом собственности. Сама рукопись теряет свойство уникальности при печатном ее тиражировании, следовательно, объектом является не она. Идеи же, содержащиеся в произведении, также не являются чем-то уникальным, они могут быть интерсубъективными, но от этого произведение не перестает принадлежать автору. Этим уникальным элементом произведения, непосредственно обусловленным личностью автора, Фихте считал форму. С момента опубликования идеи, заключенные в произведении, принадлежат всем. Автор же остается собственником уникальной формы выражения, в которую он облек эти идеи. Таким образом, Фихте концептуализирует разрыв

между материальным и интеллектуальным компонентами произведения, образовавшийся в эпоху книгопечатания, и предлагает объяснение, почему автор может в момент передачи рукописи передать и право на произведение, а любой другой человек, передавая кому-либо экземпляр произведения, нет [14, p. 251].

Нужно отметить, что в XVIII в. оформилась и иная позиция относительно природы прав авторов. Ее выразителем был Кондорсе, который в полемике с идеями Дидро, высказанными в «Письме о книготорговле», утверждал, что идеи не могут быть плодом индивидуального ума, они являются результатом коллективного опыта, а авторское право — не вид естественного права собственности, а форма государственной привилегии («Фрагменты о свободе печати», 1776 г. [15]). Будучи человеком науки в большей степени, чем литературы, Кондорсе не считал стиль и уникальность формы чем-то достаточно ценным, чтобы заслуживать специальной охраны. На примере подхода Кондорсе видно, что отсутствие в произведении конкретного, аналитически вычленимого элемента (формы) не позволяет постулировать необходимость охраны неотъемлемых авторских прав на онтологических основаниях. Точка зрения Кондорсе была принята юристами, отстаивавшими необходимость авторских прав с позиций утилитаризма (эта позиция получила распространение в судебной практике Англии), а точка зрения Локка, Дидро, Фихте — юристами, полагавшими авторское право естественным правом. В Америке сосуществовали оба подхода [16].

Сегодня представление о различии формы и содержания произведения и охраноспособности именно первой из них выглядит чем-то самоочевидным с точки зрения российского права, хотя эта идея является детищем философии определенного исторического периода. В англо-американском праве используются близкие по смыслу термины «идея» и «выражение».

По Фихте, форма произведения определяется уникальностью личности автора, она не может быть присвоена другим человеком в отличие от содержания произведения (заложенных в нем идей). Форма является нематериальной, она представляет собой часть сознания автора, и потому не может быть присвоена кем-то другим в силу онтологии.

Взгляды Фихте служили не только обоснованием необходимости охраны прав авторов, но и позволили очертить границы круга охраноспособных объектов. В произведении должно охраняться уникальное и индивидуальное (принадлежащее индивиду). Необходимо подчеркнуть, что в данном случае философия не выполняла обслуживающую функцию по отношению к праву, скорее, Фихте, предлагая свое решение проблемы, мыслил в категориях содержания и формы, разработанных его предшественниками вне очевидной связи с развитием авторского права.

В концепции немецкого юриста Йозефа Колера понятие формы было расширено и включало в себя все, в чем выражается духовный мир автора и авторское воображение, тогда как содержание отождествлялось с воспроизводством действительности и общедоступных идей [17, 3]. Так часть из того, что ранее считалось содержательными элементами произведения, было отнесено к форме. Для преодоления этого затруднения использовалось понятие внутренней формы произведения. Внутренняя форма — система образов, которые имеют, как и содержание, идеальный характер, но уже обладают и чувственной конкретностью и потому обращены к воображению воспринимающего их субъекта (например,

образы персонажей в художественной литературе). Внешняя же форма есть степень дальнейшей чувственной конкретизации содержания, на которой оно уже предстает непосредственно созерцанию, а не воображению (рифмы в стихе, последовательность описываемых в романе событий и т.д.).

Указанное различие сохраняется в авторском праве по сей день. Оно проявляется, например, в том, что отдельным объектом авторского права признается персонаж, рассматриваемый как уникальное единство формы. В России последние десятилетия стали периодом многочисленных судебных разбирательств по поводу законности использования литературных персонажей и персонажей мультфильмов при изготовлении коммерческой продукции. В числе «спорных» персонажей оказались Чебурашка, Винни Пух, смешарики и др. В частности, не имеет однозначного и очевидного решения проблема соотношения персонажа литературного и аудиовизуального произведения: это разные персонажи или один и тот же? Является ли писатель соавтором художника-мультипликатора и какого рода правами на персонаж мультфильма по его рассказу он обладает? Таких примеров множество.

Сегодня мы вновь сталкиваемся с проблемой внешней легитимации авторского права и права интеллектуальной собственности в целом. Ожесточенные споры вызывает экстраполяция существующих способов охраны прав авторов на интернет-контент, дискуссионным является патентование формул «элементов» живых организмов (например, генов), критикуется патентование лекарств и других средств продления и поддержания качества человеческой жизни. Юристы, выносящие решения по коммерческим спорам авторов и иных правообладателей, вновь и вновь вынуждены выходить в область философской теории бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. АЛЕКСЕЕВА Д. А. **Авторское право в России как социальная технология** // Общество. Техника. Наука. На пути к теории социальных технологий. М., 2012. С. 110–132.
2. DAVIS N. Z. **Beyond the Market: Books as Gifts in Sixteenth Century France** // Transactions of the Royal Historical Society. 1983. Ser. 5. 33. P. 69–88.
3. СЕРЕБРОВСКИЙ В. И. **Вопросы советского авторского права.** — М.: Изд-во АН СССР, 1956.
4. **Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)** от 18.12.2006 N230-ФЗ (ред. от 03.07.2016). ГК РФ Статья 1257.
5. ГАВРИЛОВ Э. П. **Авторское право. Издательские договоры. Авторский гонорар.** — М.: Юридическая литература, 1988.
6. KRAVETS D. **Judge says monkey cannot own copyright to famous selfies** // Ars Technica (6 January 2016). <http://arstechnica.com/tech-policy/2016/01/judge-says-monkey-cannot-own-copyright-to-famous-selfies/> (дата обращения 15.09.2016).
7. ЛОКК ДЖ. **Два трактата о правлении** // Локк Дж. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137–405.
8. ЮНГ Э. **Мысли Юнга об оригинальном сочинении** / Пер. с фр. И. А. Грацианского. — СПб.: Императорская типография, 1812.
9. LESSING G. E. **Leben und Leben lassen** // Gotthold Ephraim Lessing. Werke. Band 5. München: Carl Hanser Verlag, 1970. S. 781–783.
10. АЛЕКСЕЕВ С. С. **Право собственности. Проблемы теории.** 3-е изд. М.: Норма, 2008.
11. КАНТ И. **Метафизика нравов в 2 частях. Часть первая. Метафизические начала учения о праве** // Кант И. Соч. в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 107–438.
12. МАКЛЮЭН М. **Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего.** М.: Академический проект, 2005.
13. FICHTE J. **Beweis der Unrechtmäßigkeit des Büchernachdrucks (1791)** // Berliner Monatsschrift 21. Berlin, 1793. S. 443–482.
14. GOMPEL S. **Formalities in Copyright Law: An Analysis of Their History, Rationales and Possible Future.** N.Y.: Kluwer Law International, 2011.
15. GOLDHAMMER A. **and The Marquis de Condorcet. Fragments concerning Freedom of the Press** // Daedalus. V. 131. № 2. On Intellectual Property (Spring, 2002). P. 57–59.
16. RIDEAU F. **Commentary on Condorcet's Fragments on the Freedom of the Press (1776)** // Primary Sources on Copyright (1450–1900) / Eds. L. Bently & M. Kretschmer. Cambridge: Faculty of Law, University of Cambridge, 2008. Digital archive. <http://www.copyrighthistory.org/cam/index.php> (дата обращения 11.09.2016).
17. KOHLER J. **Das Autorrecht: eine zivilistische Abhandlung; zugleich ein Beitrag zur Lehre vom Eigenthum, vom Miteigenthum, vom Rechtsgeschft und vom Individualrecht.** Jena: G. Fischer, 1880.